

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВСЕСЛАВА БРЯЧИСЛАВИЧА И ИМЕНОСЛОВ ЕГО СЫНОВЕЙ

Важнейшей чертой династии является ее именованье, отличающий и выделяющий тот или иной правящий род среди других. Это отчетливо прослеживается в Древней Руси у династии Рюриковичей и ее разных ветвей. Выбор имени был важной частью династической политики, при помощи которого обеспечивалась родовая цельность, стабильность и непрерывность, незыблемость и легитимность наследственных прав на власть представителей княжеского рода, обосновывались притязания на более высокий статус в иерархии рода или власти, а также закреплялись права на новые владения.

Имянаречение сыновей – это своего рода обращение правителя к современникам и потомкам, а также один из главных инструментов передачи власти, определение династического будущего каждого из наследников [9, с. 8]. Как известно, в роду Рюриковичей произошло принципиальное разделение на Рогволодовичей и Ярославичей [14, с. 109–110], поскольку от всех многочисленных сыновей Владимира Святославича получили продолжение только две ветви Рюриковичей – потомки Изяслава Владимировича и потомки Ярослава Владимировича.

Династическая двойственность полоцких князей¹, которые были как Рюриковичами, так и Рогволодовичами, стала одним из оснований особого положения Полоцкого княжества в политической системе Древней Руси. Это особое положение было связано с закреплением Полоцка как родового владения – «отчины» – за собственной княжеской династией, произошедшем при Изяславе Владимировиче с согласия киевского князя Владимира Святославича, и заключалось в автономности Полоцкой земли. Родоначальником полоцкой княжеской династии, по крайней мере, в XII веке считался и признавался Рогволод, прямым свидетельством чего является идентификация полоцких князей как «Рогволодовых внуков» в Лаврентьевской летописи под 6636 (1128) г. [12, с. 206–207]. Династический дуализм полоцкого княжеского рода, т. е. неразрывное сосуществование в нем двух начал – Рогволода и Влади-

¹ Термин «династическая двойственность» для характеристики полоцкого княжеского рода был введен мной в публикации в 2016 г. [15].

мира, стал одной из главных причин противостояния Рогволодовичей с наследниками Ярослава Мудрого, в особенности остро проявившееся со времени киевского княжения Всеволода Ярославича и его потомков – Мономашичей. В этом противостоянии полоцкие князья стремились сохранить свою самостоятельность, а киевские князья пытались полностью подчинить Полоцкую землю своей власти.

В этой связи представляется важным рассмотреть именованье сыновей Всеслава Брючиславича в сопоставлении с антропонимикой Ярослава Мудрого. Тем более, что княжеский именованье, как отметили А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, ведущие специалисты в области именаречения у Рюриковичей, представляет собой своеобразную концентрированную историю правящей династии [9].

Хорошо известно, что у полоцких князей из поколения в поколение поддерживалось определенное своеобразие именованья, выразившееся в повторении таких имен как Рогволод, Брючислав, Всеслав, нехарактерных для других ветвей Рюриковичей. Однако как раз начиная с сыновей Всеслава Брючиславича в полоцкой династии появляются новые имена, которые активно использовались другими Рюриковичами. В чем же суть династической стратегии именаречения, избранной Всеславом? С каким посылом обращался к современникам и потомкам полоцкий князь, выбирая для своих сыновей определенные имена?

В летописях встречается семь имен сыновей Всеслава – Давыд, Глеб, Роман, Рогволод, Борис, Ростислав, Святослав. Однако в историографии преобладает точка зрения, что сыновей было не семь, а шесть, поскольку многие исследователи полагают, что Борис было крестильным именем Рогволода [3; 8, с. 186]. Действительно, начиная с Владимира Святославича, каждый представитель династии Рюриковичей наряду со своим родовым (мирским) языческим по происхождению именем обладал христианским (крестильным) именем. Если принять тождественность Рогволода и Бориса, то получается, что у Рогволода-Бориса был сын Рогволод-Василий, что вряд ли возможно, так как у древнерусских князей существовал строгий запрет на наречение сына родовым (мирским) именем отца, если тот был еще жив [9, с. 11–12]. Известно, что Рогволод – это исключительно родовое имя, Борис – изначально родовое имя, которое со временем стало также христианским, Василий – изначально христианское имя, со временем ставшее также и родовым.

В Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.) под 6635 (1127) г., а в Ипатьевской летописи (далее – Ипат.) под 6636 (1128) г. сообщается о том, что одним из результатов похода на Полоцкую землю, организованного

киевским князем Мстиславом, стало изгнание полочанами Давыда с сыновьями и возведение на княжеской стол Рогволода с согласия Мстислава [12, с. 206; 13, с. 203]. На следующий год – в Лавр. 6636 (1128) г., в Ипат. 6637 (1129) г. – сказано о смерти князя Бориса, названного «Полоцким» [12, с. 206; 13, с. 204]. Маловероятно, что сразу в двух летописях в соседних погодовых записях один и тот же князь назван под двумя разными именами – сперва под родовым именем Рогволод, а затем под христианским – Борис. Тем более, что в летописях чаще всего фигурируют родовые имена князей [19, с. 11]. Вряд ли можно усомниться в том, что Борис действительно был полоцким князем, только вот определить время и обстоятельства его вокняжения из-за скудности данных источников весьма проблематично.

Самое раннее свидетельство, в котором перечислены имена сыновей Всеслава, содержится в Ипат. в статье 6648 (1140) г. [13, с. 211]. Однако этот список включает не всех Всеславичей, а только тех, кто был сослан Мстиславом Владимировичем в Константинополь: «...и оупорозьнаса Мьстиславъ ѿ рати и поманюу первѣи посла по Кривитьстѣи кнѣзь по Дѣда по Ростислава и Стѣслава и Рогъволодича два и оусажа оу три лодѣи и поточи и Црѣоградоу за неслоушание ихъ а моужи свои посажа по городомъ ихъ». Итак, это были Давыд, Ростислав, Святослав и два Рогволодича. К моменту ссылки полоцких князей в Византию – по Лавр. это произошло в 6637 (1129) г., а по Ипат. – в 6638 (1130) г., уже не было в живых Романа, Глеба и Бориса [12 с. 208; 13, с. 204]. А вот о судьбе Рогволода летописцы молчат, но Ипатьевская летопись говорит о высылке в Царьград двух Рогволодичей – это, вероятно, были сыновья Рогволода. На мой взгляд, само их упоминание является аргументом в пользу существования Рогволода как одного из семи сыновей Всеслава наряду с Борисом и другими перечисленными выше.

Кроме того, следует обратить внимание на надписи на Борисовых камнях и Рогволодовом камне, связанных с Борисом Всеславичем и Рогволодом Борисовичем соответственно. Борисовы камни содержат надписи с идентичной формулой: «Господи помози рабу своему Борису» [5, с. 30–31]. На Рогволодовом камне написано следующее: «В лето 6679 мая в 7 день доспен крест сий. Господи, помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду сыну Борису» [5, с. 33–34]. Так, если надпись на Рогволодовом камне прямо говорит, что крестильным именем Рогволода Борисовича было имя Василий, то на Борисовых камнях высечено только одно имя – Борис. Логично предположить, что если бы родовым именем Бориса Всеславича было имя Рогволод, то это

должно было быть зафиксировано в тексте надписей на Борисовых камнях, как это было сделано на Рогволодовом камне. Существует еще один важный источник – «Хождение игумена Даниила», к которому часто обращаются историки в попытках прояснить генеалогию Всеславичей [1, с. 10; 2, с. 252; 17, с. 123–130]. Хотя этот литературный памятник датируется началом XII века, но сохранился он в нескольких редакциях и во множестве списков, древнейшие из которых восходят ко второй половине XV века [16]. Ценность этого источника, среди прочего, заключается в том, что в нем содержится список имен древнерусских князей, которых Даниил записал для поминовений в лавре Св. Саввы в Палестине. Было отмечено, что в тех списках имен князей, в которых приводится имя Бориса Всеславича, оно является единственным его именем [9, с. 272]. В то время как в этих же списках другие князья в подавляющем большинстве случаев упомянуты как под крестильным именем, так и под родовым: Михаил Святополк, Василий Владимир, Михаил Олег, Панкратий Ярослав Святославич и др. Учитывая данные факты, скорее следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что Борис Всеславич и Рогволод Всеславич – это не одно и то же лицо, а разные братья².

Таким образом, у Всеслава, вероятно, было семь сыновей. Такое большое количество сыновей, безусловно, являлось частью династической стратегии полоцкого князя и полностью соответствовало политическим реалиям и тенденциям того времени. Как уже было замечено выше, продолжателями рода Владимира Святославича стали только две линии – Рогволодовичи и Ярославичи, что предопределило усиление их дальнейшего противостояния. Всеслав Брячиславич сделал все возможное не только для сохранения своего рода, но и обеспечил основу для его дальнейшего разрастания и укрепления, что было жизненно необходимо для отстаивания самостоятельности и усиления Полоцкой земли в довольно жесткой борьбе с Ярославичами. Так, на момент смерти Ярослава Мудрого у него было пять сыновей и несколько внуков. А когда умер Всеслав Брячиславич, то род Ярославичей уже состоял из нескольких отдельных удельных династий: Ростиславичи, Изяславичи, Святославичи, Мономашичи. Несомненно, что семь Всеславичей представляли собой равноценную династию, обладавшую внушительной силой, которая могла составить достойную конкуренцию остальным ветвям Рюриковичей.

² Наиболее полная аргументация данного мнения приводится в работе А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского [9, с. 269–276].

Выбор имен Давыд, Роман, Борис, Глеб для своих старших и средних сыновей, сделанный Всеславом, является в своем роде уникальным среди всех остальных Рюриковичей – современников полоцкого князя. Во-первых, Всеслав был единственным из древнерусских князей, кто использовал всю комбинацию из четырех имен братьев-страстотерпцев Бориса и Глеба – их родовые имена Борис и Глеб, их крестильные имена – соответственно Роман и Давид. Показательно, что Ярослав Мудрый ни одного из сыновей не нарек в память о своих невинно убиенных братьях Борисе и Глебе, что косвенно указывает на его возможную причастность к их гибели. А вот уже сыновья Ярослава – Святослав и Вячеслав выбрали в качестве родовых имен для своих первенцев имена Глеб и Борис соответственно. Во-вторых, Всеслав стал одним из первых Рюриковичей (наряду с Святославом Ярославичем и Игорем Ярославичем), кто стал использовать христианские имена, а именно Роман и Давыд, в качестве единственных, то есть родовых имен, для своих сыновей. Эти имена стали первыми христианскими именами, утвердившимися в качестве родовых [9, с. 112]. Кроме Романа и Давыда Всеславичей также известны внуки Ярослава Мудрого – Роман Святославич, Давыд Святославич, Давыд Игоревич. Одновременно наблюдался процесс превращения мирских родовых имен Бориса и Глеба в христианские имена, в частности из источников неизвестны другие (крестильные) имена Бориса Всеславича, Глеба Всеславича и внуков Ярослава Мудрого – Глеба Святославича и Бориса Вячеславича.

Таким образом, впервые именно в семье полоцкого князя четверо братьев были названы в честь святых князей Бориса-Романа и Глеба-Давида, и это были их единственные имена. Выходит, что Полоцк стал одним из первых древнерусских центров, где зарождался и утверждался культ святых Бориса и Глеба. Кроме того, Всеслав Брючиславич, как и сыновья Ярослава – Святослав, Игорь, Вячеслав, оказался причастен к изменениям в системе имянаречения Рюриковичей, которые начались с середины XI века. Эти изменения проявились в комбинировании двуименности и одноименности – объединении родовой традиции с христианской, то есть с этого времени у князя могло быть не два имени – родовое (династическое) и крестильное (христианское), а одно имя, которое сочетало в себе и то и другое, что, несомненно, было обусловлено началом церковного прославления Бориса-Романа и Глеба-Давида [9, с. 117].

Что касается Рогволода Всеславича, то представляется, что он был среди средних сыновей полоцкого князя. Имя Рогволод безусловно является знаковым и особым именем не только для полоцкой княжеской

династии, но и для остальных ветвей Рюриковичей. По вполне очевидным причинам оно стало характерным исключительно для полоцкой ветви Рюриковичей и превратилось в ее идентифицирующее наименование и своеобразный бренд – «Роговоложи внуци». Наречение князя именем Роговод определенно было невозможно при жизни виновника его гибели Владимира Святославича, и, вероятно, в годы правления Ярослава Мудрого. Называя своего сына Роговодом, Всеслав в политическом смысле бросал вызов Ярославичам, а значит был готов к противостоянию с ними. Хорошо известно, что полоцкий князь сделал это в 1066 г., когда захватил и разграбил Новгород, поэтому 1065–1066 гг. является вполне подходящим временем для появления на свет Роговода Всеславича. Также возможно, что Роговод родился в конце 1070-х – начале 1080-х гг., когда обострились отношения Всеслава с Всеволодом Владимировичем, занявшим киевский престол, и его сыном Владимиром Мономахом.

На мой взгляд, династическая стратегия Всеслава, проявившаяся в наречении старших и средних сыновей именами Бориса-Романа и Глеба-Давида, заключалась в стремлении к повышению статуса и престижа своих наследников в родовой иерархии Рюриковичей. Так, если Изяслав Владимирович возродил полоцкую княжескую династию как обособленную ветвь Рюриковичей, что отразилось в отличных от других Рюриковичей именах его сыновей – Всеслав и Брючислав, то его внук Всеслав приложил все усилия, чтобы добиться паритета с Ярославичами в системе властной иерархии. В какой-то степени полоцкий князь стремился сблизить своих сыновей с другими Рюриковичами, чтобы гарантировать своим потомкам незыблемость их прав на власть в существовавшей политической и династической системе. В этой связи, кажется совершенно неслучайным, что для своих младших сыновей Всеслав выбрал характерные для Рюриковичей родовые имена Ростислав и Святослав. Например, среди сыновей Ярослава Мудрого был Святослав Ярославич – князь черниговский (1054–1073), князь киевский (1073–1076).

Интересно, что стратегия имянаречения сыновей Всеслава оказалась наиболее схожей с выбором имен, который сделал именно Святослав Ярославич. Среди сыновей обоих князей совпадают три имени – это Роман, Давыд и Глеб. Кроме того, в историографии уже отмечалось, что Святослав Ярославич и его сыновья не являлись инициаторами вооруженного противостояния с Полоцком [4 с. 18; 7, с. 162, 164]. Во время княжения Святослава Ярославича в Киеве неизвестны случаи военных

конфликтов этого князя и его сыновей с Всеславом. Вероятно, что особое почитание Всеславом и Святославом святых братьев Бориса-Романа и Глеба-Давида, отразившееся в имянаречении их сыновей, не позволяло этим князьям воевать друг с другом. Однако следует упомянуть, что, по крайней мере, Всеслав был инициатором одного военного столкновения с Святославичами, когда в 1069 г. Всеслав при поддержке вожан напал на Новгород, но был разбит новгородцами во главе с Глебом Святославичем, и, как сказано в летописи, Всеслав был отпущен «бога дѣля» [10, с. 17]. Вполне может быть, что Глеб Святославич проявил милосердие к Всеславу в том числе и во имя невинно убиенных братьев Бориса и Глеба.

Модель имянаречения, которую избрал Всеслав, была в значительной степени новаторской не только для полоцких князей, но и для всех Рюриковичей в целом. Однако эта модель, по моему мнению, говорит о том, что Всеслав не видел перспективу и не закладывал цель занятия кем-то из своих сыновей княжеского стола в Киеве, хотя он сам на нем побывал, а значит был создан прецедент для того, чтобы его сыновья могли претендовать на киевское княжение. В частности, белорусский исследователь Ю. А. Заяц считал, что потомки полоцкого князя Изяслава Владимировича приобрели право на занятие киевского княжеского стола [4, с. 21].

Образцом для наиболее амбициозных претендентов на киевское княжение был именован Владимиром Святославичем. Так, Ярослав Мудрый старшего сына назвал Владимиром в честь своего отца (к этому времени первый сын Ярослава – Илья уже умер, если он вообще существовал), и еще три его сына были названы именами его братьев – Изяслав, Святослав, Всеволод [9, с. 23]. Младший из триумвирата Ярославичей – Всеволод, очевидно, стремился повысить статус своего первенца в династической иерархии Рюриковичей при помощи не только родового, но и крестильного имени и нарек своего сына в честь деда Владимира Святославича в крещении Василия. То есть у Владимира-Василия Мономаха совпали родовое и крестильное имена с Владимиром-Василием Святославичем. Возможно, это дало основание Владимиру Мономаху видеть в себе прямое подобие своего прадеда [9, с. 14]. Поэтому он мог проводить соответствующую политику, в том числе и по отношению к Полоцкому княжеству. Хорошо известно, что Владимир Мономах и его сын Мстислав стремились не только подчинить Полоцк, но и обезглавить княжеский род Рогволодовичей, как это сделал Владимир Святославич. О том, что Владимир Мономах в своей

династической политике подражал своему прадеду, говорят имена трех его старших сыновей, тождественных именам трех сыновей Владимира – Мстислава, Изяслава, Святослава [9, с. 22].

Выдвину предположение о том, что для сыновей и внуков Владимира Святославича, которые боролись между собой за власть или по праву рождения не были в числе первых претендентов на киевский стол, в частности для Ярослава Владимировича (воевал со своим братом Мстиславом, а другого брата Судислава заточил в темницу) и Всеволода Ярославича (выше его в династической иерархии были Изяслав Ярославич и Святослав Ярославич), избрание имени Владимир для наречения старшего сына было средством улучшения династической судьбы наследника и перемещения его вверх в родовой иерархии Рюриковичей. Возможно считалось, что князю с именем Владимир будет покровительствовать его могущественный родовой тезка, он станет обладателем его родовой силы и удачи и повторит его судьбу. Ведь было хорошо известно, что Владимир, будучи младшим из сыновей Святослава, сумел не просто повысить свой статус в княжеской иерархии Рюриковичей, а оказаться на ее вершине, добившись собственными усилиями киевского стола. То же самое удалось сделать его сыну Ярославу Мудрому, внуку Всеволоду Ярославичу и правнуку Владимиру Мономаху.

Итак, по моему мнению, имя Владимир стало своеобразной инкарнацией великокняжеских амбиций в роду Рюриковичей, начиная с вокняжения Владимира Святославича в Киеве в 978 г. и до смерти Мстислава Владимировича в 1132 г., ознаменовавшей распад Киевской Руси.

Вернемся к династической стратегии Всеслава, выразившейся в наречении старших и средних сыновей именами святых князей Бориса-Романа и Глеба-Давида. Эта стратегия была связана с идеологической основой культа святых Бориса и Глеба, заключавшейся в сохранении единства княжеского рода и выполнении обязанностей младших князей в отношении к старшим и старших в отношении к младшим³. Выбор имен являлся не только своеобразным проявлением политической программы княжеской династии, способом ее самоидентификации, но и выражением личной воли правителя, своеобразным завещанием князя своим наследникам. На мой взгляд, одной из главных целей «завещания» Всеслава было предостережение своих сыновей от междоусобиц

³ О распространении культа святых князей-мучеников Бориса и Глеба в Полоцкой земле и его идеологическом значении для полоцкой княжеской династии Рогволодовичей смотрите в работе белорусского специалиста Ю. Н. Кежи [6].

и предотвращение братоубийственных конфликтов. Полоцкий князь прекрасно осознавал, что после его смерти неизбежны столкновения между его многочисленными сыновьями, ведь он был не только очевидцем, но и активным участником усабиц между Ярославичами и их наследниками. Всеслав, называя своих сыновей именами Давыд, Роман, Борис и Глеб, призывал их к мирному сосуществованию друг с другом, подчинению младших старшим, заботе старших о младших и тем самым сохранению родового единства.

Очевидно, что «завещание» Всеслава сработало далеко не в полной мере, поскольку уже спустя три года после смерти полоцкого князя «брат пошел на брата». Если верить летописям, то первым Всеславичем, кто внес раскол в единство Рогволодовичей и нарушил волю отца, был Давыд. В 1104 г. он выступил против своего родного брата Глеба на стороне коалиции извечных соперников Полоцка. Это был поход на Минск, организованный киевским князем Святополком Изяславичем, переяславским князем Владимиром Мономахом и новгород-северским князем Олегом Святославичем: «Сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путятю на Менескъ, а Володимеръ посла сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба, поемъше Давыда Всеславича, и не въспѣша ничтоже и възратишася опять» [11, с. 119]. Символично то, что первыми соперниками внутри рода Рогволодовичей оказались именно Давыд и Глеб, ведь Давид было крестильным именем святого князя Глеба, что пророчило дальнейшее разделение полоцкой княжеской династии на противоборствующие ветви и постепенное ослабление политического единства Полоцкой земли на протяжении XII века. Однако такое развитие событий являлось проявлением объективного процесса децентрализации власти, начавшегося в Древней Руси с решения Любечского съезда 1097 г. Принцип «Каждо держитъ очычину свою» в Полоцкой земле мог начать действовать не ранее, чем с внуков Всеслава Брючиславича. А с 1101 г. Всеславичи, вероятно, совместно правили в Полоцкой земле, находясь каждый в своем уделе, но должны были придерживаться принципа старшинства и слушаться полоцкого князя, как это в свое время делали сыновья киевского князя Ярослава Мудрого в соответствии с его завещанием-«рядом» 1054 г. О сохранении единства и сплоченности Всеславичей, несмотря на имевшее место выступление Давыда против Глеба, и о проведении коллективных действий в интересах всей Полоцкой земли, говорит их совместное участие в неудачной битве с земгалами в 1106 г.: «Том же лѣтѣ побѣдиша зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ» [11, с. 119].

Итак, оставив после себя семь сыновей, Всеслав Брячиславич обеспечил необходимую основу для разрастания и укрепления полоцкой княжеской династии Рогволодовичей, что соответствовало общим тенденциям эволюции рода Рюриковичей и древнерусской политической системы. Частью династической стратегии Всеслава Брячиславича стало начало почитания князей-мучеников Бориса-Романа и Глеба-Давида внутри полоцкого княжеского рода с целью как сближения с основными ветвями Рюриковичей на основе общего культа, так и для утверждения идеологической основы для предотвращения и разрешения внутрдинастических конфликтов у Рогволодовичей и сохранения их родового единства. Именослов Всеславичей должен был содействовать закреплению более высокого статуса и престижа полоцкой княжеской династии в родовой и властной иерархии Рюриковичей и тем самым гарантировать незыблемость прав Рогволодовичей на власть в Полоцкой земле в рамках политической системы Древней Руси.

Список литературы

1. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л. В. Алексеев; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2006. – Кн. 2. – 2006. – 167 с.
2. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) / Л. В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 296 с.
3. Алексеев, Л. В. Рогволод Всеславич / Л. В. Алексеев // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН; под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. – М.: Ладомир, 2017. – С. 681.
4. Заяц, Ю. А. Полоцкий княжеский дом: правовой аспект взаимоотношений князей Полоцкого и Киевского домов (985–1129 гг.) / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: [зб. навук. арт.] / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск. – 2013. – Вып. 24: Даследаванне сярэднявечных старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю.А. Заяца). – С. 18–21.
5. Калечыц, І. Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. / І. Л. Калечыц. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 271 с.
6. Кежа, Ю. М. Культ княжацкіх святых Барыса і Глеба ў Полацкай зямлі XII ст. / Ю. М. Кежа // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г.: у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. Д.У. Дука [і інш.]. – Наваполацк: ПДУ, 2016. – Ч. 2. – С. 7–18.
7. Клімаў, М. Полацкае княства ў IX–XI стст. / М. Клімаў // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 1: Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – С. 148–166.

8. Левко, О. Н. Полоцкое княжество (земля) – исток белорусской государственности / О. Н. Левко // История белорусской государственности: в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2018–2020. – Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]. – 2018. – С. 158–211.
9. Литвина, А. Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропониимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М.: Индрик, 2006. – 740 с.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. А.Н. Насонова. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 642 с.
11. Повесть временных лет / Рос. акад. наук; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.
12. Полное собрание русских летописей. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. – 379 с.
13. Полное собрание русских летописей. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – СПб.: Типография М. А. Александра, 1908. – 638 с.
14. Рукавишников, А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников / А. В. Рукавишников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 2 (12). – С. 99–111.
15. Самонова, М. Н. Полоцкая княжеская династия в политической системе Древней Руси / М. Н. Самонова // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі папярэйх міждyscyплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г.: у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. Д. У. Дука [і інш.]. – Наваполацк: ПДУ, 2016. – Ч. 2. – С. 19–23.
16. Хождение Игумена Даниила [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4934>. – Дата доступа: 21.06.2022.
17. Янин, В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» / В. Л. Янин // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. XVI. – С. 112–131.

В статье исследуется роль латинского епископа Рейнберна в истории Туровского княжества в контексте взаимоотношений Руси и Польши в начале XI века. Деятельность епископа рассматривается, в том числе, с точки зрения церковной политики и канонического права. Анализируются причины, побудившие епископа приехать в Туров, а также его деятельность в княжестве и основания для ареста. Автор приходит к выводу, что Рейнберн, вероятно, был первым епископом в Туровской земле и с точки зрения канонического права мог возглавить Туровскую епархию как епископ, лишившийся своей кафедры. Автор также приходит к выводу, что Рейнберн был заключен в темницу по приказу Владимира Святославича не за приверженность латинскому обряду, а за участие в заговоре, помощь Святополку в попытке получения независимости Туровского удела и создание канонически независимой от Киева церковно-административной единицы. При этом Владимир мог руководствоваться положениями Эпанагоги – византийского сборника законов, регламентирующего суд над епископом.

Самонова М. Н. *Династическая политика Всеслава Брячиславича и именовлов его сыновей* [28.08.2022]

В статье рассматривается династическая политика Всеслава Брячиславича при помощи анализа именовлова его сыновей в сопоставлении с антропонимикой Ярославичей. Автор приходит к выводу, что целью династической политики Всеслава было создание необходимых оснований для сохранения паритета своих наследников с Ярославичами и их потомками в рамках существовавшей в Древней Руси политической системы. Идеологической опорой династической стратегии полоцкого князя стало его участие в утверждении общерусского культа князей-мучеников Бориса и Глеба, что проявилось в именовлове его сыновей.

Кежа Ю. Н. *Глеб Всеславич и Киево-Печерский монастырь: место полоцких князей в родовой структуре Рюриковичей* [05.09.2022]

В статье анализируются причины захоронения менского князя Глеба Всеславича (1101–1119) в Печерском монастыре Киева. Выбор места погребения Глеба рассматривается в контексте отношений второй половины XI – начала XII века между полоцкими князьями Рогволодовичами и представителем рода Ярославичей – Владимиром Всеволодовичем Мономахом (1113–1125).